

Право всегда основывалось на положении о том, что закон является абстрактной конструкцией, применимой к неопределённому кругу лиц и независимо от времени существования закона и времени существования субъекта, но за последние десятилетия произошёл явный отрыв права от реальных конкретных жизненных событий, которые, хотя и имеют в себе общие начала, позволяющие подвести их под конкретную норму права, но имеют и свои особенности, которые иногда не вписываются в жёсткую конструкцию нормы закона, не учитывающую ни прошедшего времени, изменившего суть правовых отношений, ни времени существования субъекта права, изменившего его статус и способность воспринимать правовые нормы адекватно. Отсюда вытекает необходимость пересмотра некоторых установок теории права, а именно, степени абстракции правовых норм и распространения их действия на всех субъектов права без комплексного учёта фактора времени, действующего как на изменяющиеся правовые отношения, так и на самих субъектов права.

Часть решения проблемы мы видим в автоматизации реализации некоторых норм права с учётом индивидуальной ситуации, в которой находится в данный момент времени субъект права. Осуществлять такой учёт сможет только компьютер на основе специальных программ и полных баз данных с информацией об особенностях правового статуса субъектов права. Это не означает избирательного применения закона, но точную подстройку законодательства под существующие в данный момент текущие реалии. Новая информационно-правовой культура также должна строиться на правовых механизмах, интегрированных с информационно-коммуникационными технологиями, с целью недопущения отклонения от нормативного поведения субъектов в некоторых особо важных сферах деятельности, где отклонение всегда приносит тот или иной ущерб государству, обществу и гражданам.

Артюхович Ю.В.

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ – ПРЕПЯТСТВИЕ НА ПУТИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Серьезным препятствием на пути развития правовой культуры в современном российском обществе является набирающий силу процесс криминализации сознания соотечественников. Исследуя этот процесс, автор исходит из положения о том, что на уровне правового сознания «средний» россиянин традиционно представлял действительность в двух планах: криминального пространства и правового поля. Криминальное пространство находилось вне

правового поля, воспринималось как явный негатив и противостояло безусловно позитивному правовому полю «обычной» жизни (дом, семья, любовь, друзья, работа, досуг). В идеале указанные сферы были обособлены друг от друга или соприкасались ситуативно: криминальное пространство порой задевало своей черной аурой «обычную» жизнь, но оставалось самостоятельным образованием. Иными словами, средний человек вел «обычную» жизнь внутри правового поля, не имея отношения к криминальной среде. Случайные и непродолжительные столкновения с криминальной средой заканчивались чаще всего возвращением к «обычной» жизни в пределах правового поля, без утраты первоначального статуса законопослушного гражданина (или обретением этого статуса после искупления вины). Вектор правового сознания наших соотечественников был четко ориентирован на правовое поле, а нормы и ценности криминальной среды представляли в качестве чуждых и неприемлемых.

Однако такая идеальная картина мира, к сожалению, не может адекватно отражать объективную реальность современного российского общества. Она близка к социальной модели дореволюционной России, когда противоправные действия подвергались безоговорочному общественному осуждению в государственном масштабе. При этом и в общественном, и в индивидуальном сознании соотечественников значимое место занимали религиозные и нравственные факторы, способствовавшие формированию правового сознания россиянина на основе «совести», «страха перед Богом и людьми» (а не просто страха перед наказанием органами правопорядка). С известной долей условности модель изолированных правового поля и криминального пространства могла использоваться для анализа правового сознания человека советской эпохи, когда общественное порицание правонарушений и строгое наказание преступников являлось значимым фактором государственной политики. Криминальная среда существовала, но являлась внешним (и в определенной мере самостоятельным) образованием по сравнению с правовым полем советской России. Разумеется, перед законом были равны далеко не все. Но, несмотря на определенные нарушения законности со стороны представителей власти, социальные роли преступивших закон и его защитников были четко разграничены.

Обыватель не только не соотносил себя с криминальной средой, но считал неприемлемым эпизодическое совершение мелких противоправных действий, а любые (даже незначительные) отступления от законности вызывали у него страх перед общественным порицанием и вполне реальным разоблачением и наказанием. Таким образом, с преступным миром ситуативно

соприкасались в различном качестве (активных или пассивных участников криминальных действий) лишь некоторые из россиян, вынужденных тщательно скрывать свою принадлежность к криминальной среде под маской добропорядочности и законопослушания. Однако «средний» россиянин вполне признавал (хотя и не оправдывал) в определенном случае возможность совершения криминальных действий «другими» (не причисляя себя к ним). Правовое поле оставалось достаточно широким и отграниченным от криминального пространства, но уже существовала некая «общая зона» смыкания права с криминалом.

Следует отметить, что автор далека от идеализации советского прошлого нашей страны. Именно в это время закладывались основы и создавались предпосылки для постепенного размывания границ между правовым полем и криминальной средой, которое происходило в перестроечный и постсоветский периоды развития России. Смещение нравственных ориентиров и переоценка ценностей привели к трансформации правового сознания под знаком набирающего силу «закона Пахана». Как это ни парадоксально, немало бывших советских граждан устремились в криминал, который выполнял для них функции, присущие в советском прошлом государству (предоставление работы, жилья, личной и социальной защиты и др.).

«Средний» россиянин, ранее считавший криминальную среду абсолютно чуждой, неуклонно начинал приближаться к ней, сначала лишь мысленно допуская возможность (пока еще в конкретной, часто – в экстремальной ситуации) эпизодического совершения противоправных действий со своей стороны. При возникшей потенциальной готовности совершить преступление обыватель все еще не идентифицировал себя с представителями криминала. Затем, под влиянием многочисленных примеров противоправных действий соотечественников, не встретивших последовательного общественного порицания (тем более, наказания), «средний» россиянин, избирательно следовавший правовым нормам, становился способным перейти от пассивного оправдания криминала к активному участию в нем. Сужение правового поля и распространение влияния криминальной среды привело к расширению «общей зоны» действия закона и криминала. Распространенность полуправовых и нелегальных способов решения гражданами социально-экономических проблем, превращение норм и санкций уголовного мира в ценностную основу привычных поведенческих моделей стали жестокой реальностью наших дней.

В условиях отсутствия общественного порицания криминала в государственном масштабе, а также адекватного воздействия представителей

правоохранительных органов в криминальной ситуации, «средний» россиянин ищет реальной помощи (и зачастую находит ее) в криминальной среде. Множество обывателей «страны победившего авторитета» уже не противопоставляют себя преступникам, так как само понятие преступления и девиантного поведения в ситуации аномии и нормативно-ценностного плюрализма окончательно утрачивает четкость и определенность.

Криминализованное сознание «среднего» россиянина порождает искаженную картину мира, в которой криминальная среда не просто грубо вторгается в «обычную» жизнь, но и подчиняет ее себе, смещая или вытесняя правовое поле, которое сужается до малого пространства безусловного и бескомпромиссного действия закона. Его власть вовсе не распространяется на всех граждан без исключения – наоборот, торжество закона из закономерности превращается в случайность. Оказавшись на обочине современной российской картины мира, правовое поле уже не способно определять правила и нормы «обычной» жизни, да и само это понятие размывается под мощным воздействием норм и ценностей криминальной среды. В свою очередь, сокращается до минимума «общая зона» закона и криминала, уступая место криминальному пространству. Таким образом, «обычная жизнь» россиян, проходившая ранее в пределах правового поля, в настоящее время практически смещается в пропасть криминального пространства, диктующего свои законы, утверждающего специфические ценности и нормы, которые постепенно закрепляются в массовом сознании наших соотечественников.

Процесс криминализации общественного сознания можно будет считать завершенным, когда понятия «обычной жизни» и «криминального пространства» для «среднего» россиянина станут синонимами. Такие тенденции явно прослеживаются в молодежной среде. Дети элиты с малых лет привыкают к своим привилегиям (не задумываясь над ценой и путями их обретения или не стесняясь их) и будут пытаться сохранять их любыми способами, вполне вписывающимися в рамки криминального пространства. Слои молодежи, изначально не обеспеченные широким доступом к потреблению материальных и духовных благ и привилегий, идут особым путем социального становления. Они лишаются зачастую самых элементарных условий существования и обречены пробиваться к своей социальной сущности и «месту под солнцем» ценою сверхчеловеческих усилий. Для неэлитной молодежи жизненная логика социального становления состоит в движении от недоступности привилегированного общества к анархическому бунту, часто приобретающему противозаконные и собственно криминальные формы выражения.

Авторитетом для таких молодых людей сегодня чаще всего также являются «герои нашего времени»: обладатели власти и богатства. В то же время в их глазах обесценивается опыт родителей, родственников, преподавателей, скромных тружеников, не слишком преуспевших в жизни, которые не стремятся изменить существующую реальность, отгораживаются от борьбы с несправедливостью – следовательно, утрачивают право и возможность влиять на молодежь, жаждущую яркой обеспеченной жизни, полной острых и сильных впечатлений.

Например, по результатам анкетированного опроса, в 2008 г. только 57% студентов 1 курса Волгоградского государственного технического университета готовы безоговорочно подчиняться требованиям закона. Остальные собираются делать это лишь при условии того, что закон будет единым для всех, и представители власти станут следовать нормам закона так же, как и все остальные граждане. Примечательно, что довольно значительная часть опрошиваемых (около 40%) в своем поведении склонны ориентироваться не столько на закон, сколько на свое понимание справедливости. 65% будущих инженеров готовы к проявлению превентивной жестокости, когда жестокие поступки совершаются не вследствие возникшей ситуации, а до или в процессе ее возникновения. Превентивная жестокость не сопровождает, а предваряет гипотетические проявления деструктивной агрессивности. При этом происходит замещение понятий: жестокость, понятие явно негативное, приобретает позитивные аксиологические очертания и воспринимается в качестве способности противостояния злу или справедливого наказания. Понятие жестокости в данном случае «гуманизируется», выступая синонимом не просто абстрактного добра как блага, но специфического «добра с кулаками», которое прекрасно вписывается в ценностное поле современного российского общества, где конфликты разрешаются преимущественно силовыми методами.

Заметим, что речь идет о ценностных ориентирах представителей неэлитной молодежи, но, тем не менее, выходцев из относительно благополучных семей, которые могут при желании найти в лице родителей и представителей ближайшего окружения примеры для подражания или, по меньшей мере, хотя бы приемлемые образцы и поведенческие модели. Для «неблагополучных» детей актуализируются прежде всего криминальные авторитеты, внешние атрибуты и формы поведения которых представляются им наиболее приемлемыми в современном обществе. Тем более что криминальная среда сегодня, к сожалению, способна (пусть ненадолго, за дорогую и весьма сомнительную «цену») предоставить молодому человеку значимые

внешние опоры, в отличие от семьи и легитимных социальных институтов. Неудивительно поэтому, что современная молодежь воспринимает криминальное пространство в качестве естественной среды обитания «среднего» россиянина, предоставляющей ему специфические, но действенные средства для достижения поставленных целей на пути к власти и богатству. Этот факт является тревожным свидетельством неблагополучия в формировании правовой культуры молодого поколения, диктует необходимость совершенствования правового воспитания.

Криминализация сознания «среднего» россиянина – многочисленного базового социального слоя, призванного быть опорой российского общества, ведет к резкому снижению интеллектуального потенциала страны, разрушению трудовой морали, духовному и нравственному оскудению соотечественников и к деградации российского общества в целом. Выход из создавшегося положения видится в усилении борьбы с криминалом и консолидации здоровых сил российского общества для формирования правового государства, а также в поиске новых форм и методов правового воспитания молодежи.

Жданова Н.Е.

ВЛИЯНИЕ ДУХОВНОСТИ НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ ЛИЧНОСТИ

Для духовно-нравственного обновления человек нуждается в качественно новой этике. Имеющиеся в нашем обществе духовно-нравственные традиции следует не только и не просто возрождать, но и осовременивать и возвышать. Это означает добиваться превалирования духовности, нравственности в принципах поведения, облика, взаимоотношений между людьми. Духовность должна воспитываться на лучших традициях науки, литературы, искусства, познаваться в практической деятельности, т.к. происходит более глубокое формирование ценностных ориентаций и убеждений человека на основе личностного осмысления социального, духовного, нравственного опыта в прошлом и настоящем, восприятие идей гуманизма, приобщения к ценностям национальной и мировой культуры, воспитания уважения к нашей истории. Только фундамент знаний, образование, в основе которого лежат нравственные позиции, ответственность, духовность – может помочь человеку в усвоении норм, необходимых для личного успеха.

Успешность перехода России к демократическому и правовому государству напрямую зависит от правовой культуры общества. Правовая культура общества выражается не только в достигнутом уровне правовой дея-